

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 111.1

А. И. Иваненко

РЕАБИЛИТАЦИЯ МЕТАФИЗИКИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье исследуются предпосылки возрождения метафизики в аналитической традиции. Автор начинает рассмотрение материала с противопоставления аналитической и континентальной философии в контексте диалектики Абсолютного Духа. При этом отмечается, что популярность аналитической традиции после Второй мировой войны означала поражение метафизической традиции. Тем не менее сама аналитическая философия претерпела в своем отношении к метафизике значительную эволюцию: если А. Айер утверждал, что метафизики говорят бессмыслицу, то П. Стросон уже выводит слово «метафизика» в название своей работы. Отчасти это изменение связано с развитием идей структурализма и экологии во второй половине XX в.: если в начале XX в. лес воспринимался как множество деревьев, то в конце — как взаимосвязанная экосистема. Метафизика как поиск сверхчувственного нашла себя в исследовании и концептуализации контекста, при этом метафизические сущности превратились в значения и лишились статуса вечных и абсолютных субстанций.

Ключевые слова: аналитическая философия, метафизика, онтология.

A. I. Ivanenko

REHABILITATION OF METAPHYSICS IN ANALYTIC TRADITION

The article is devoted to condition for restoring metaphysics within analytic philosophy. The author begins consideration of topic from the difference between analytic and continental philosophies at the context of Absolute Spirit dialectics. The analytic philosophy win demonstrated the end of metaphysics. However analytic philosophy has undergone a profound evolution in its relation to metaphysics. Ayer said that metaphysicians talk nonsense, whereas Strawson has the word “metaphysics” in the title of one of his works. This change is partly due to the rise of structuralism and ecology at the second part of XX century. For example, in the beginning of century forest was defined as a lot of trees, but at the end of century it is defined as ecosystem. Metaphysics as investigation of supernatural things has found itself in investigation of context, whereas etaphysical essences were converted into meanings and lost their status of eternal and absolute substances.

Keywords: analytic philosophy, metaphysics, ontology.

В России определенную популярность и авторитет сохраняет философия Гегеля. В немалой степени это вызвано тем, что гегельянство являлось одним из источников советского марксизма, который стал основой для отечественной институцио-

Иваненко Алексей Игоревич — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный технологический университет растительных полимеров, Российская Федерация, 198095, Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, 4; e-mail: iwanenkoalexey@hotmail.com

Ivanenko Alexey I. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg States Technological University of Plant Polymers, 4, ul. Ivana Chernykh, St. Petersburg, 198095, Russian Federation; iwanenkoalexey@hotmail.com

нальной философии. Нередко люди, получившие высшее образование в России, путают законы диалектики Гегеля с законами философии вообще. Этот факт можно по-разному интерпретировать, однако в любом случае он является неотъемлемой чертой существующего положения дел.

К основополагающим тезисам гегельянской философии нередко относят принцип тождества исторического и логического, согласно которому само развитие философской мысли не должно рассматриваться как случайный процесс. Было бы интересно проследить, как этот принцип обнаруживает себя в эволюции философии после Гегеля. Здесь следует иметь в виду, что каждая философия является не продуктом творчества одной отдельно взятой светлой головы, но выражением определенного национального духа (*Volkgeist*). При этом национальные духи конкурируют, сталкиваются и даже враждуют.

В XX столетии отчетливо обозначилось противопоставление аналитической и континентальной философии [1, с. 12]. Исторически аналитическая философия берет свое начало в британском эмпиризме [1, с. 19], тогда как континентальная — в немецкой классической философии (*German Idealism*). Можно предположить, что аналитическая философия является выражением английского национального духа, а континентальная — немецкого духа. Столкновение двух начал западной культуры выразилось и в виде двух мировых войн, что удачно иллюстрирует диалектику Абсолютного Духа. Победа оказалась на стороне английского национального духа. Мы здесь не будем вдаваться в исторические подробности, а также разделять Великобританию и выросшие из Новой Англии США; умолчим и о роли в данном конфликте России, которая исторически всегда была связана с Германией, но при этом часто выступала на стороне Англии. Для нас важно то, что в этой диалектике Абсолютного Духа отчасти решалась и судьба метафизики. После Второй мировой войны, как и следовало ожидать, распространение получает именно аналитическая философия.

В России лишь сравнительно недавно начали интересоваться аналитической философией. Если британец Б. Рассел завершает свою историю западной философии рассмотрением философии логического анализа [2, р. 783], то в России еще 15 лет назад последним словом в философии считалась феноменология [3, с. 418]. Еще в 1990-е годы аналитическую философию могли рассматривать в рамках направления «философия языка» [3, с. 411]. Поскольку её главным представителем считался Л. Витгенштейн, аналитическая философия рассматривалась и в контексте неопозитивизма. Поэтому критика метафизики в неопозитивизме и в аналитической философии воспринималась как частный случай позитивистской критики метафизики.

Однако Витгенштейн был ярким представителем, но никак не основоположником аналитической философии. Приехав в Великобританию еще в 1911 г., он нашел благодатную интеллектуальную почву для своих идей. Кроме того, само появление неопозитивизма (в лице «Венского кружка») с точки зрения гегелевской диалектики Абсолютного Духа вполне объясняется поражением Германии в Первой мировой войне и своего рода экспансией английского эмпирического духа.

Где же берет начало аналитическая философия? Исследователь С. В. Никоненко называет годом появления этой традиции 1903 г. [1, с. 15]. Первым аналитиком следует считать британского философа Джорджа Мура, который в 1903 г. написал работу «Принципы этики», где уже содержится главный принцип аналитической

философии: истолкование добра немислимо без анализа конкретных морально-этических суждений.

В исследовательской литературе взгляды Мура обыкновенно характеризуют как *неореализм*, поскольку главной мишенью его критики было английское неогегельянство, или «абсолютный идеализм» (Ф. Брэдли). В какой-то мере эта борьба напоминала спор средневековых номиналистов и реалистов об универсалиях. Неореализм Мура при этом продолжал традицию средневековых номиналистов, отвергавших реальность общих понятий: добра вообще нет, но есть отдельные суждения, в которых фиксируется доброе отношение к чему-либо.

«Дух универсализма, — пишет С. В. Никоненко в своей монографии, — всегда был чужд аналитическим философам; и они настороженно относились ко всем общим теориям универсума, познания и социума» [1, с. 7]. И данная позиция вполне была оправдана общим кризисом метафизики и слабой верифицируемостью её суждений. Однако аналитическая философия уклонилась в другую крайность: за деревьями она перестала видеть лес [1, с. 11]. Соглашаясь с критикой метафизики, мы тем не менее понимаем, что существуют не только единичные вещи. Те же леса действительно существуют, иначе вокруг их сохранения не было бы столько шума.

И всё же в своем отношении к метафизике аналитическая философия претерпела существенную эволюцию. Если аналитик А. Айер в 1930-е годы был решительным критиком метафизики, то аналитик П. Стросон в 1950-е предпринимает попытку её реабилитации. Что же произошло и как возможна «аналитическая метафизика»?

В своей работе «Язык, истина и логика» А. Айер делает бескомпромиссное заявление: «Метафизики говорят бессмыслицу» [4, с. 71]. При этом он стремится отделить метафизику от философии. Под первой Айер понимает исключительно постулирование некоей потусторонней реальности или сущностей, отделенных от реально воспринимаемых вещей. Источником появления метафизики Айер, вслед за Витгенштейном, считает неправильное употребление языка, когда некоторым грамматическим элементам приписывается реальное существование. Критикуя Хайдеггера, Айер замечает, что метафизик совсем не похож на поэта, поскольку, во-первых, поэты не говорят бессмыслицы, а во-вторых, их цель — это выражение эмоций, а не выражение истины, на что претендуют метафизики [4, с. 71]. Достается от Айера и гегельянцам (прежде всего Ф. Брэдли), которые постулируют «участие Абсолюта в эволюции и прогрессе» [4, с. 65]. На взгляд британского философа-аналитика, подобный тезис совершенно невозможно верифицировать.

Подобная атака на метафизику отчасти изумляет. С одной стороны, попытки создания метафизических систем вне всякой связи с эмпирической реальностью действительно вызывают подозрение. С другой стороны, не кто иной, как автор «Метафизики» Аристотель еще 2500 лет назад критиковал некоторых платоников (и пифагорейцев) за постулирование идей, отличных от вещей. Известен его тезис против универсалий: «...ибо общее (*katholou*) не есть сущность (*ousia*)» (Met., 1087a).

В реабилитации метафизики в рамках аналитической традиции важную роль сыграла работа У. В. О. Куайна «Две догмы эмпиризма» (1951), в которой дезавуируется различие между аналитическими и синтетическими суждениями. Корни этого различия Куайн возводит к противопоставлению Лейбницем истин разума и истин факта. Аналитические истины абсолютны, тогда как синтетические целиком зависят

от опыта и им же опровергаются (фальсифицируются, если воспользоваться выражением К. Поппера).

Первоначально аналитические истины позволяли метафизике парить над остальными науками, но впоследствии возник вопрос о степени их верифицируемости. С точки зрения эмпирика (каковым полагает себя Куайн), аналитические истины могут показаться тавтологичными и бесполезными. Однако это не так.

Куайн берет аналитическую истину «ни один холостяк не женат» (*no bachelor is married*) [5, S. 2] и задается вопросом: а откуда мы можем знать, что холостяки (*bachelors*) не женаты? И тут же отвечает: из словаря. При этом словари пишут лексикологи, которые являются «эмпирическими учёными» (*empirical scientists*). Иными словами, в основе аналитической истины оказывается «отчет» (*report*) [5, S. 3] лексиколога о наблюдаемом явлении. Даже сложные философские и научно-теоретические построения, в конце концов, упрутся в словарь и «отчеты» о наблюдаемых явлениях.

Таким образом, чистых аналитических истин не существует, а их противопоставление синтетическим истинам Куайн называет догмой. Рядом с этой догмой существует и другая, а именно редукционизм, полагающий, будто истинность того или иного суждения может быть понята изолированно от других суждений. Как ни странно, это согласуется с началом «Логико-философского трактата» (1924) Л. Витгенштейна, где говорится, что мир состоит не из «вещей» (*Ding*), а из «фактов» (*Tatasachen*) (1.1), вернее даже, из «состояний дел» (*Sachverhalt* [6], в русском переводе 1958 г. — «атомарный факт»). Иными словами, любое высказывание имеет свой контекст.

Возьмем, к примеру, такой образчик истинного суждения, как « $2+2=4$ ». По форме оно может считаться аналитическим, так как в понятие числа 4 уже включена сумма двоек. Однако мы можем себе представить такую систему счета (в языках некоторых примитивных народов), где число 4 отсутствует, а всё, что больше трёх, относится к множеству «много». В таком случае $2+2=3+3=2+3$ — всё это будет одинаково «много». В древнерусском языке имело место отчасти похожая ситуация, когда самым большим числительным была «тысяча» (1000), за которой уже следовала «тьма» (неопределенное множество). Как известно, числительные от миллиона в русском языке — иностранного происхождения. По этой причине, кстати, среди историков нет согласия относительно точного числа монголо-татарских всадников, пришедших на Русь в XIII в.: то ли их было 30 тыс., то ли 300 тыс.

Из эмпирической обусловленности «аналитических истин» Куайн делает вывод, что не только исторические и географические сведения, но также законы чистой математики и логики суть «человеческие конструкции» (*man-made fabric*) [5, S. 9], которые соприкасаются с опытом только по краям. При этом новый факт или группа фактов способны привести к пересмотру всей конструкции человеческого мировоззрения. Данный тезис Куайна весьма напоминает основную идею Т. Куна относительно структуры научных революций, когда аномалия (необычный факт) может вызвать смену парадигмы (критерия рациональности).

В контексте реабилитации метафизики мы можем утверждать, что все метафизические истины обусловлены и заданы определенным опытом восприятия мира, который, в свою очередь, зависит от культурного уровня и исторической ситуации. Однако и культура, задающая опыт взаимодействия с миром, сама является резуль-

татом этого взаимодействия. Иными словами, всё априорное вначале было апостериорным. Само пространство задается опытом взаимодействия с предметами, который закладывается в младенческом возрасте на основе оппозиции «близко — далеко».

Реабилитация метафизики во второй половине XX в. была во многом обусловлена ситуацией в науке, когда популярность приобрели такие направления, как экология и структурализм. Экология, к примеру, позволила переосмыслить восприятие леса. В дореволюционном «Толковом словаре» В. Даля (1909) лес — это «пространство, покрытое растущими и рослыми деревьями» [7, с. 279]. Спустя 80 лет появляется принципиально иное определение леса: «...природная система Земли, в растительных сообществах которой главная роль принадлежит древесным растениям» [8]. На место пространства с атомарными деревьями приходит взаимосвязанная система. Отдельные высказывания верифицируются более универсальным контекстом, дискурсом, парадигмой, языковой игрой, эпистемой. Поэтому возможна не только философия как деятельность по прояснению мыслей (как у Витгенштейна), но и метафизика как исследование предельного контекста. При этом предельный контекст отнюдь не трансцендентален, а культурно-историчен, поскольку, как выяснили психологи (К. Хорни, 1950), то, что является нормой в одних культурах, не считается нормой в других [9, с. 415].

Подлинным представителем «аналитической метафизики» является П. Стросон, который в 1964 г. опубликовал работу «*Individuals, An Essay in Descriptive Metaphysics*». Если термин «*individuals*» может иметь широкий спектр переводов (от «единичных понятий» до «ипостасей»), то вторая часть названия переводится вполне однозначно: «Опыт дескриптивной метафизики». Примечательно, что само слово «метафизика» вынесено в название работы. Стросон противопоставляет дескриптивную метафизику ревизионной (*revisionary*) [10, р. 9]. Если первая описывает «актуальную структуру» мира, то вторая не описывает, но производит некоторый лучший и совершенный мир. Иными словами, метафизика должна не стремиться к стройности изложения в ущерб фактам, а описывать реальное существо мира.

Вслед за прочими аналитиками Стросон признает реальность единичных вещей, однако не менее важны для их постижения «концептуальные схемы» [10, р. 15]. Кроме того, он признаёт реальность *non-particular individuals (NPI)* — бестелесных предметов, при рассмотрении которых следует избегать как крайностей номинализма, так и крайностей платонизма. Таковые делятся на пять категорий [10, р. 231]:

- 1) качество — например, смелость;
- 2) отношение — отцовство;
- 3) состояние — гнев;
- 4) процесс — плавание;
- 5) вид — человек.

В качестве *NPI* Стросон рассматривает даже «каддилак» 1957 г. и британский флаг. Когда мы говорим о них или изучаем их, нас меньше всего интересует конкретность этих предметов. Часто конкретность может носить случайный характер. К тому же все эти явления можно изучать с научной стороны.

Таким образом, метафизика реабилитируется в аналитической традиции не как постижение сверхчувственных и самоотжественных сущностей, но как концептуализация того контекста, который задает горизонт понимания мира. Истинность

или ложность отдельных высказываний неизбежно подразумевает фон из некоторого множества других высказываний, истинность которых мыслится самоочевидной, — их унификация и каталогизация как раз и могут стать предметом первой философии. Стоит отметить, что с точки зрения аналитической традиции предмет новой метафизики — отнюдь не подлинная реальность, но фикции, имеющие, однако, практическое значение для нормального функционирования человеческого знания. К примеру, Куайн не видел принципиальной онтологической разницы между физическими объектами и греческими богами — разница между ними оказывалась сугубо прагматической.

Литература

1. *Никоненко С. В.* Аналитическая философия. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. 545 с.
2. *Russell B.* History of Western Philosophy. New York: Simon & Schuster/Touchstone, 1996. 895 p.
3. *Шаповалов В. Ф.* Основы философии. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998. 608 с.
4. *Айер А.* Язык, истина и логика // Логос. 2006. № 1 (52). С. 61–72.
5. *Quine W. V. O.* Two dogmas of empiricism // Humboldt-Universität zu Berlin. Institut für Mathematik. URL: http://www.mathematik.hu-berlin.de/~rippel/data/WS09/Quine_-_Two_Dogmas.pdf (дата обращения: 02.10.2013).
6. *Wittgenstein L.* Tractatus Logico-Philosophicus. URL: <http://tractatus-online.appspot.com/Tractatus/jonathan/D.html> (дата обращения 02.10.2013).
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И–О. М.: Рус. яз., 1998. 779 с.
8. Биологический энциклопедический словарь / под ред. М. С. Гилярова. М.: Советская энциклопедия, 1986. 831 с. URL: <http://bioword.narod.ru/L/L088.htm> (дата обращения: 03.03.2014).
9. *Ярошевский М. Г.* История психологии М.: Мысль, 1985. 575 с.
10. *Strawson P.* Individuals. An Essay in Descriptive Metaphysics. London: Routledge, 1964. 255 p.

Статья поступила в редакцию 11 декабря 2013 г.